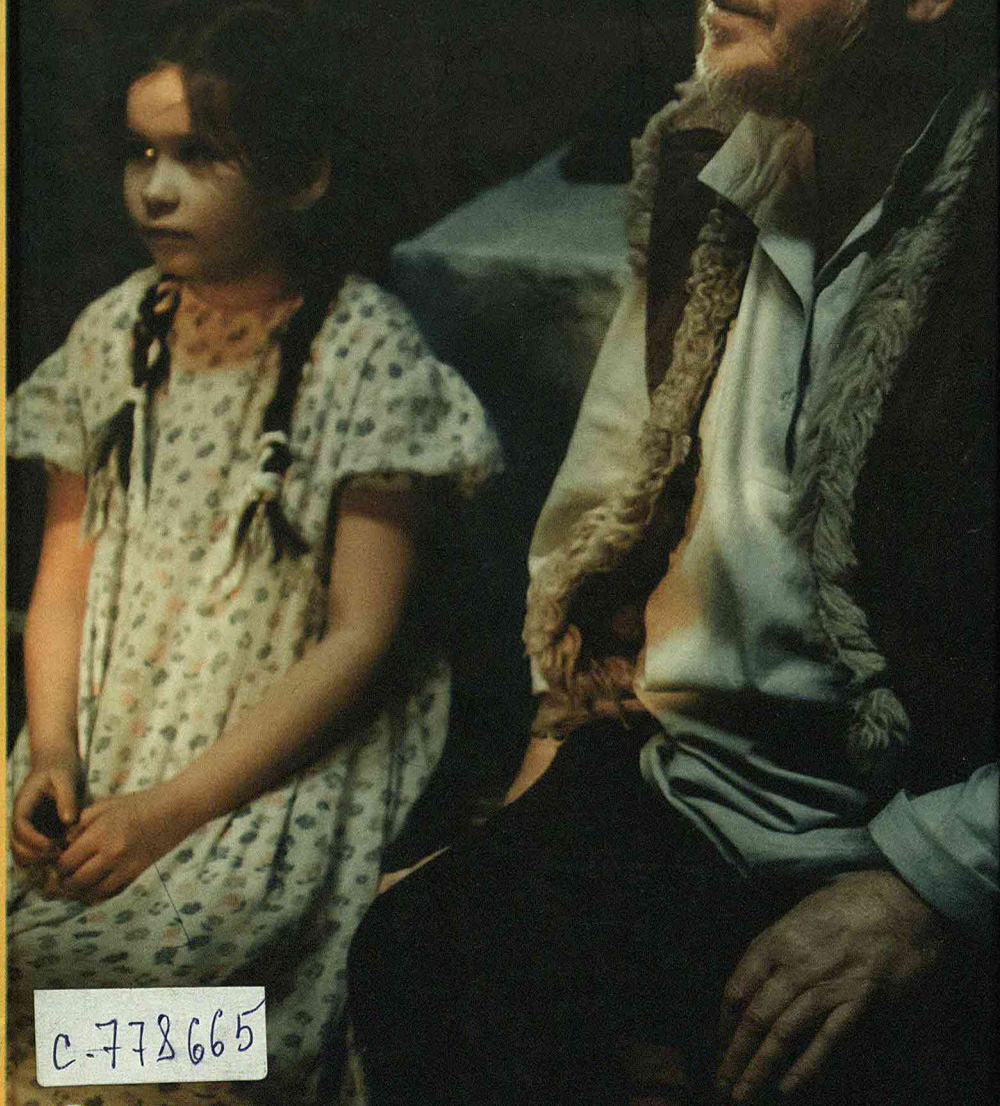

К 8

У-81

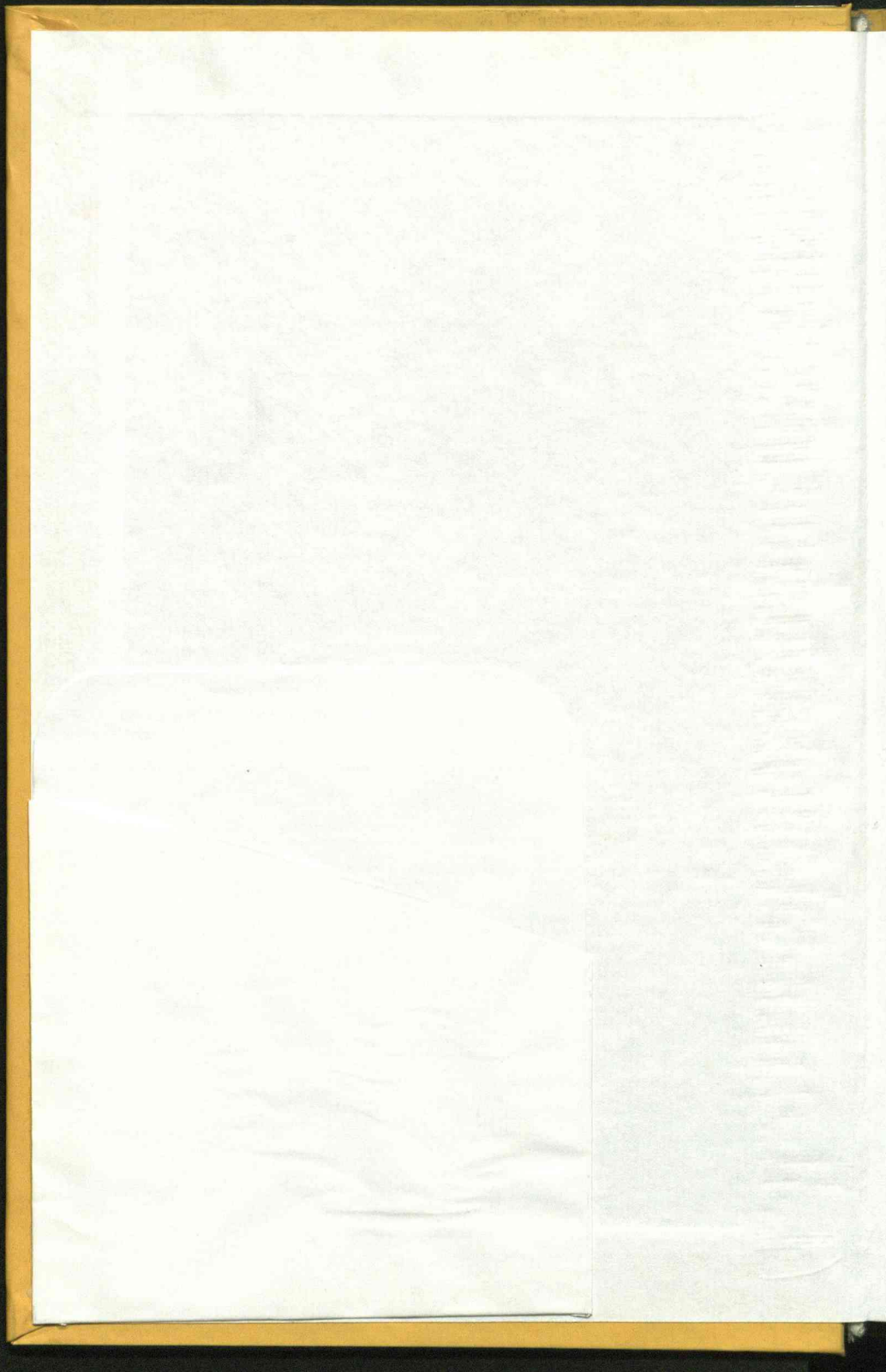
а Чубенко

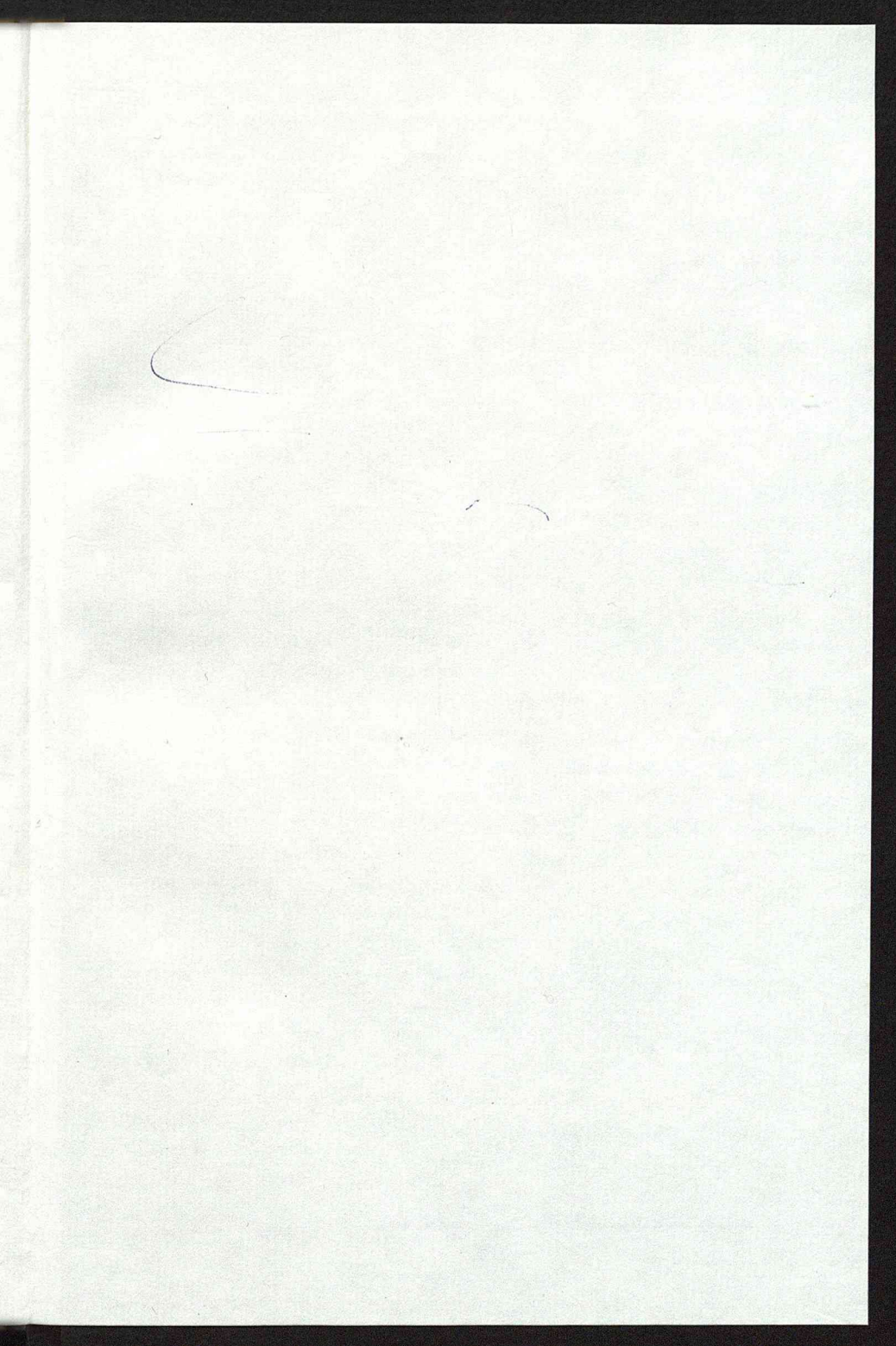
СОЛНЦЕМ ПОЦЕЛОВАННЫЕ

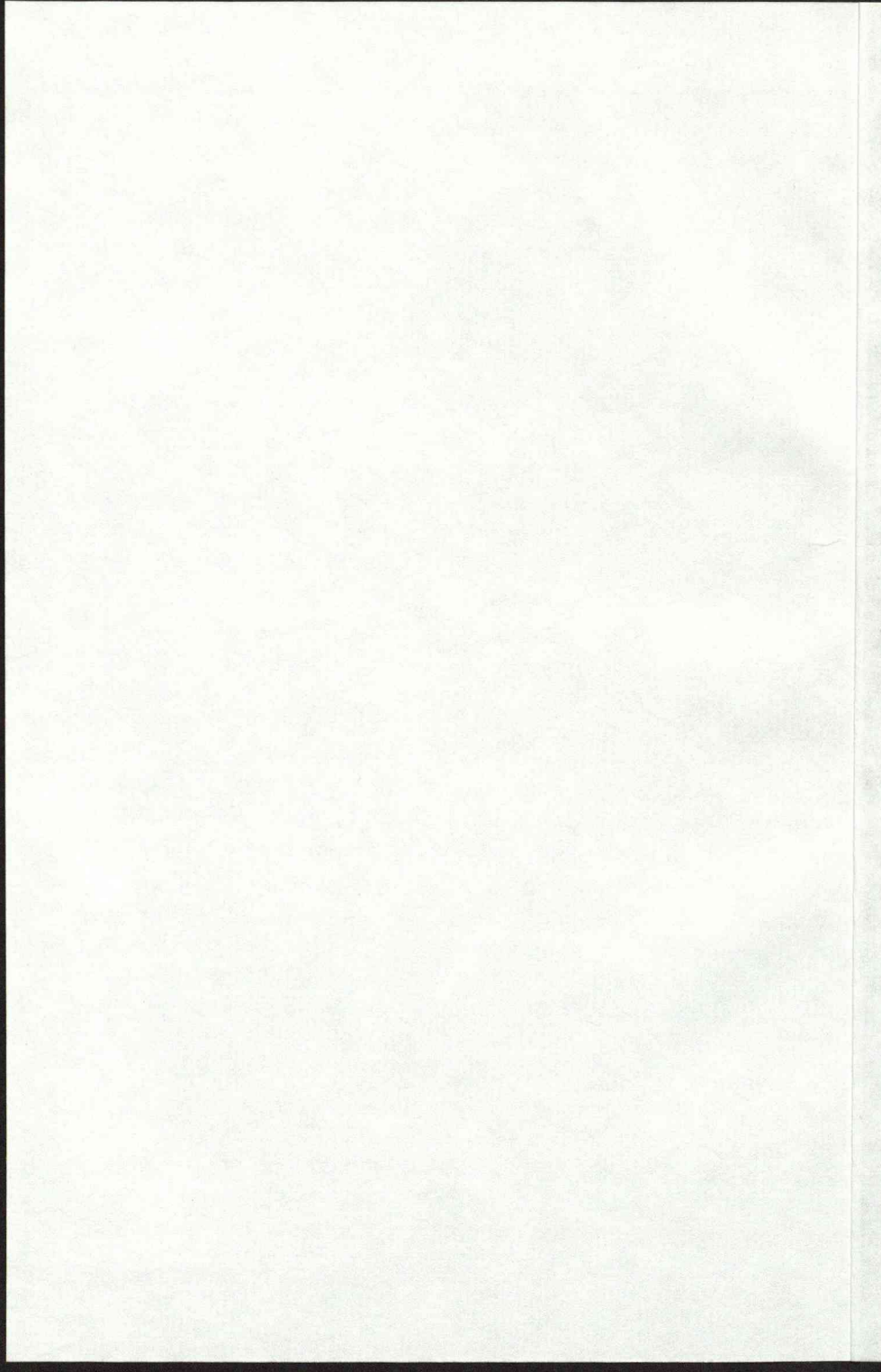

С-778665

Дорогим землякам, поцелованным солнцем, посвящаю...

Елена ЧУБЕНКО

**СОЛНЦЕМ
ПОЦЕЛОВАННЫЕ**

12+

Издательство НП «Родные просторы»
Библиотека журнала «Невский альманах»
Санкт-Петербург
2019

К84+84 (2=41.02) 6

Ч-81

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6
Ч 42

Э К

Чубенко Е.И.

Солнцем поцелованные / Елена Чубенко – СПб:
НП «Родные просторы», 2019. – 216 с. – (Библиотека
журнала «Невский альманах»).

ISBN 978-5-91844-145-9

В очередную книгу Елены Ивановны Чубенко вошли рассказы и пьеса, написанные за последние два года. Её предыдущие сборники «Дешуланские покосы», «О тех, кого я помню и люблю», «Вот так и живём», «Мы живём, потому что их нет», «На море-окияне» получили высокую оценку в литературных кругах.

Елена Чубенко – член Союза писателей России. В прошлом работала в милиции и суде (следователь, федеральный судья), публиковалась в региональной и центральной прессе, на страницах литературных журналов «Слово Забайкалья», «Литературная Галактика», «Невский альманах».

*На обложке актёр А. Горковенко в роли
Елисея и Э. Плотникова в роли Анютки
в фильме режиссёра Н. Гадомского
«Грех рыжих убивать» по рассказу Е. Чубенко
«Солнцем поцелованные».
Фото А. Карасёвой*

ISBN 978-5-91844-145-9

- © Чубенко Е.И., 2019
- © Декин А.В., дизайн обложки, 2019
- © Карасёва А.В., фото на обложке, 2019
- © НП «Родные просторы», 2019

2019

ЗАБАЙКАЛЬСКАЯ
КРАЕВАЯ БИБЛИОТЕКА
им. А.С. Пушкина

ФОНД КРАЕВЕДЕНИЯ

С. 778065

НОВАЯ ВСТРЕЧА С КНИГОЙ

Ну, вот и всё, праздник закончился – закрыта последняя страница рукописи новой книги забайкальской писательницы Елены Чубенко. Уже несколько лет я живу в ожидании нового и нового чуда, потому что каждая новая книга Елены, о чём бы она ни была, – это поэзия в прозе. И это ощущение радости – до слёз, умиротворения и умиления, хотя пишет Чубенко о каждодневной жизни села, где и беды хватает, и разговоров, и мечтаний – всего, что составляет основу нашей жизни.

Меня потрясает её способность видеть красоту и радость в самых обыденных проявлениях жизни – осенний листопад, поездка за голубицей, разговор двух старушек-соседок – везде, во всём у неё присутствует свет небес и глубокий и чистый смысл жизни. Может быть, её вроде бы бесхитростные деревенские рассказы трогают до глубины души потому, что у большинства из нас – моих ровесников, ровесников Елены – были свои любимые деревенские дедушки и бабушки, своя деревенька, знакомая и любимая с самого раннего детства, к которой мы стремились всей душой в течение долгого учебного года. Речка или пруд за околицей, неумолчные лягушачьи хоры, травы в обильной чистой росе, тысячи светлячков в ночных лугах и высокое небо над головой с мириадами ярких звёзд поздними вечерами... Счастливы те, у кого всё это было. Тем более, счастливы те, у кого всё это есть. У Елены Чубенко

есть родной район – Улётовский, где она родилась и которому верой и правдой служит всю свою жизнь. Больше тридцати лет она – ведущая актриса Улётовского народного театра. А ещё она бывший работник правоохранительных органов и федеральный судья в отставке.

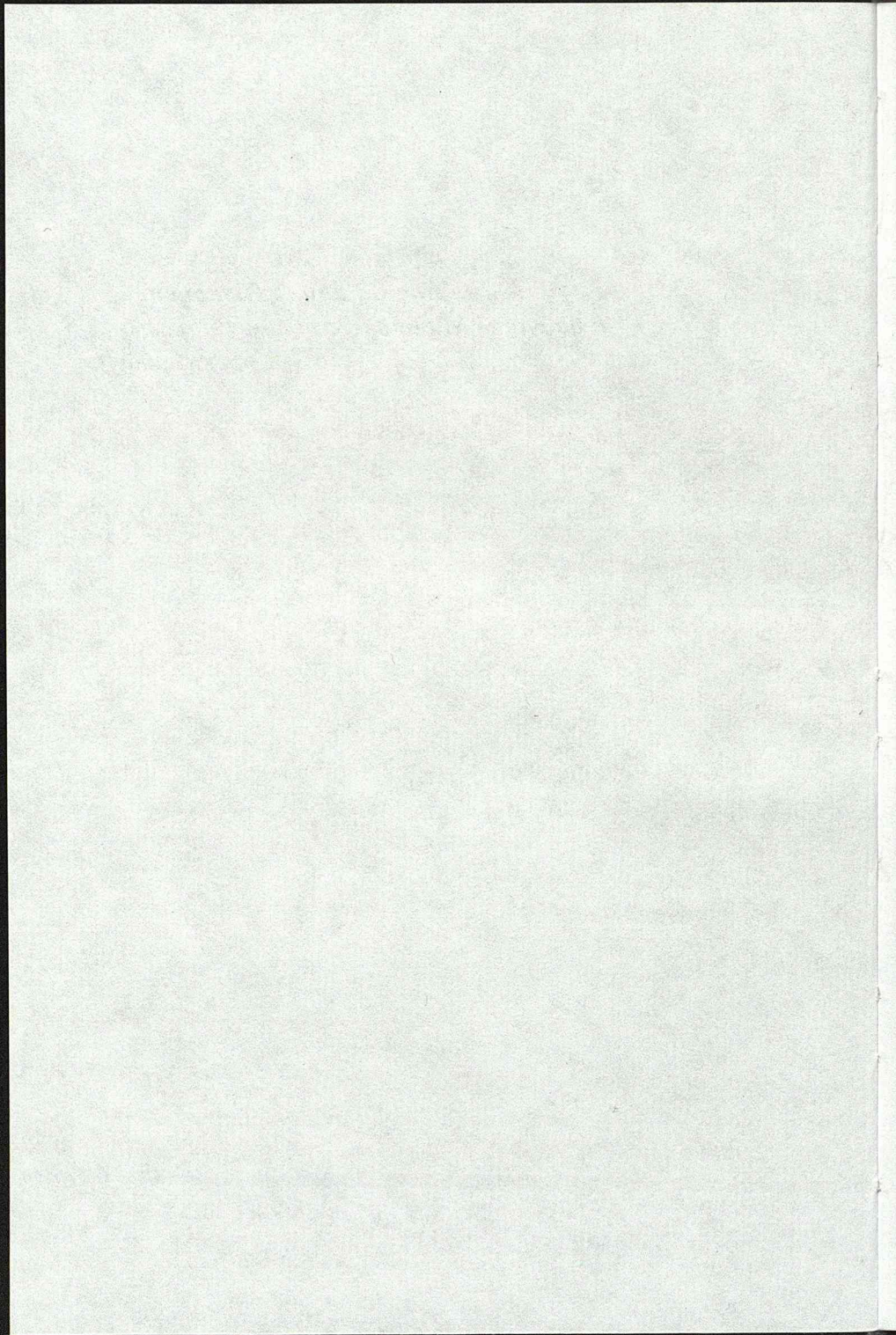
Сегодня она работает в Улётовской районной газете, с которой и раньше всегда сотрудничала. Многие герои её рассказов – её земляки, соседи и друзья. Поэтому и нет у неё ходульных героев и выморочных событий в повествованиях, всё – живое, настоящее, узнаваемое.

Я люблю эту писательницу за то, что она никогда не участвовала в забегах за славой и популярностью – ей это просто неинтересно. Она никого нигде не расталкивает локотками, стремясь первой попасть на сцену или к микрофону, улыбнуться в камеру – знай, мол, наших! Она торопится жить и работать, взахлёб, радостно, как бывает только в азартные юные годы...

Для меня Чубенко – это как Валентин Распутин, Виктор Астафьев, Василий Шукшин – честное и наболевшее, предельно искреннее писательское слово. Я всё время жду её новых книг, потому что знаю: этот человек писал и пишет на пределе душевных сил, не пытаясь выглядеть красивее и величавее, нежели она есть на самом деле. С приходом Елены Чубенко в забайкальскую литературу появилось мерило – мерило совестливости, таланта, творческой порядочности. Надеюсь, Бог подарит ещё мне радость встречи с её новыми повестями и рассказами, с тем настоящим, что несёт в себе этот человек.

*Елена Викторовна СТЕФАНОВИЧ,
член Союза Российских писателей,
Заслуженный работник культуры
Читинской области*

*Маме моей, Галине Петровне,
и бабушке Матрёне с дедом Елисеем
посвящаю*

СОЛНЦЕМ ПОЦЕЛОВАННЫЕ...

В избе, на бревенчатой стене в передней, портреты курносых парней. Они настолько похожи друг с другом, что для человека постороннего – вроде как один и тот же парень, только один пораньше, а второй попозже снят заезжим городским фотографом.

Только бабка Матрёна своих парней не путает. Помолвившись на кухне на закопчёные образа и привычно сунув в устье печи чугунок, отходит в сторону, где висят в простенке портреты и в ритме молитвы продолжает разговор:

– Матвеюшка, потепле там обутки попроси, ноги-то не подстуди. А то опять ползимы прокашляешь.

И, переведя заслезившиеся глаза на другой портрет, обращается к другому:

– Федька, присматривай там за Матвейкой. Нелух он, известно дело, а без догляду ишо залезет куда. Придумал чо: «В танкисты подамся!»

Развернувшись от портретов, снова шатнулась в кухню, хлопотать возле печки и разговаривать с Богом, жалуясь на непослушных ребят. Блуждает по лицу спокойная улыбка от разговора с сынами. Даже глубокие борозды у рта и щек стали

помягче на какую-то долю минуты, а потом, под-
свеченные огнём из печи, вдруг сделались пугаю-
ще глубокими, сразу обозначив бабкин возраст.

– Анютка! Ты пашто разутая по избе бегаешь?
Одень обутки! Да и кофту надёрни, эвон какая сту-
жа на улице, – переключается бабка Матрёна на
выскочившую из комнаты девчонку-сироту. Анют-
ка уж почти год живёт у стариков, осиротев в во-
енное лихолетье. Приютили без лишних разгово-
ров, по-соседски.

А Елисей Иваныч ковыряет при слабом свете
из окна валенки, отбрасывая в сторону изношен-
ный запятник, сучит постегонки и на бабку свою
обеспокоенно поглядывает:

– Совсем чудная после похоронок на Фёдора и
Матвея стала. Сыновей уж год как нет, а она с ними
как с живыми разговаривает, хотя похоронки-то,
вон, за божницей приткнуты и каляным¹ своим
уголком о смерти напоминают. И в церковь супруга
ходила, и бабки чего-то отшёптывали, только все
равно с похоронок тех сама не своя Матрёна.

Хмыкнет дед Елисей, как с крепкого самоса-
да, да снова в валенках крючком вышивки свои ста-
риковские шьёт. Бровями лохматыми подрагива-
ет, слыша в очередной раз, как жена к Матвейке
обращается. Присевшей подле него Анютке гла-
зами на бабку указал:

– Опять чудииит...

¹ Каляным – жестким, колючим.

Снега этим утром навалило столько, что вся колхозная работа пока встала. Скотина вся с кормом в сараях стоит, дрова еще есть, и на охоту сегодня бригадой идти не надо. Только-только для фронта сдали три зверя да семь коз. Себе немного ливеру взять разрешили, и на том спасибо. С утра выходил за огород, на Ингоду посмотреть. Вот-вот должна стать.

Она пока только ломко пробует на вкус первые забереги, а потом лениво струится дальше, умиротворённо поблескивая на поворотах. Мимо притихших к зиме деревень, уснувших на берегу лодок, торопится туда, куда хотелось бы с весны добратся, да всё некогда. Ещё чуть-чуть, и она притихнет, окончательно побеждённая зимой. Зябко поводя плечами, рождая трещины до самого дня, будет лежать она в снегах, а где и вовсе голая, обнажая исподнее: дно, тину на камнях, вмёрзшие в лед листочки. Солнечные обманчивые лучи среди февраля, прикасаясь к отполированной ветрами поверхности, будут дарить речке воспоминания о жарких июльских днях, о поцелуях тополиных веток, и об июне, когда берёзы и вербы полоскали в воде свои зелёные юбки и оголяли колени, зябко вздрагивая ими из высокой прибрежной травы. А пуще всего речка тосковать будет о поцелуях под вербами да тополями. Некому пока целоваться. На войне мужики. Даже девчат подбирать стали, а какие и сами просят.

Настудивши спину и мшистый седой затылок на ветру, вернулся Елисей в дом, накрепко привязанный,

как и все дома в деревне, дымной верёвкой к стылому небу. Матрёна, увидев его, засуетилась быстрее:

– Давайте чай пить, покуль все собрались, – подладила на стол серые лепёшки, чугунок с картошкой, а дед Елисей поставил на столешницу самовар-певун, высвистывающий умиротворяющую мелодию.

– Деда, а я стихотворение сочинила! – Анютка, не утерпев, пружинкой вылетает из-за стола, подскакивает на сундук и старательно, как в школе, декламирует:

*– С дедой мы на фронт пойдём
И фашиста разобьём!
Уходи, поганый враг,
Не уйдёшь, получишь, гад!*

– Ишь ты, «с дедой»! – радуется Елисей, поглядывая на девчонку. А у Матрёны своя думка, высказанная ненароком:

– Ребята ушли на фронт, и эта туда же... Ох ты, горюшко.

Услышав глухие постукивания за дверью, Анютка приникла носом к обмёрзшему стеклу:

– Ох, что-то бабка Аня бежит.

Замерли старики. В нынешнее время с добрыми вестями редко кто ходит по деревне. Вытянули шеи, смотрят на вход.

Притворив тяжёлую дверь, ступила в кухню Анна, соседка. По годам Матрёнина ровня, но до того высохшая и исхудалая, что старая шубейка того и гляди свалится с костлявых плеч.

– Ой, а я к вам со слезами опять. Из соседнего села вести худые принесли: кума Верка ходила на мельницу, бус сметала в мешочек, чтоб домой принести, – начала она разговор.

– Мельница далеко, на отшибе. А кума голодная была. Почти всё, что где-то подсобирает, ребяташкам отдавала. Но и упала на мельнице, с голоду. Замёрзла, пока сообразили, где поискать, – стирает слёзы Аннушка заскоружлой верхонкой. Глаза у неё слезами намытые-настиранные на сто рядов. – Уже и схоронили. С кумой-то растревожилась, и тут сыновья из головы не идут. Вот и пришла к тебе – кинь на картах на моих ребят, – оглянувшись на Матрёну, потянувшуюся за рушником, виновато перекрестилась на портреты Федьки и Матвейки.

Матрёна, вытерев руки, на столе замусоленные карты раскинула. Сели вокруг стола, Анна поджала сухие растрескавшиеся губы жесткой складочкой, смотрит на хозяйку, не отрываясь. Брови страдальческим домиком под платком сложились, того гляди – рухнет домок на готовые пролиться слезами глаза. Глянула Матрёна на карты, на Анну мельком, и зачастила скороговоркой:

– Выпадает им дорога дальняя. Можя, наступление какое. Обоим дорога... А может, ранетые были, а теперь обратно на фронт? Вишь, одному даже дама сердешная падает. Медсестра какая, или докторица. Но живые обои падают, не переживай, – успокаивает соседку.

– Обоим, говоришь? Слава те, Господи. Снятся худо, будто дом новый строят с батькой. А дом-то новый, это ж шипко худой сон... – сокрушённо качает головой соседка, но глаза повеселели.

– Живые, говорю, обои. Не думай, чо не надо, – гладит Матрёна худенькие Аннины плечи и украдкой поглядывает на сыновей в портретах. – Худая ты стала, милая моя. Ешь, поди, худо?

– Да я уж привыкла помаленьки ись, ребятишкам хоть бы.

– Но-о. У цыгана кобыла тоже привыкла. Токо привыкла не ись, да сдохла, – невесёлым смешком хохотнул Елисей из-за печки.

– Я ведь чо натворила-то, Моть! – понижает голос Анна. – В колхозном сарае меж досок дырочку проковыряла шшешкой, да размол оттуда сыплю в ковшик по горсточке-две. Домой приношу, баланду в ковшике завариваю девчонкам. Не могу глядеть, как они тают. У их же самый рост сейчас должен быть. А на их плаття, как на веретёшках! Скараулит кто меня – посодют!

– Караул, милая ты моя. Ты хошь аккуратней! Фёклу-то вон, за шесть колхозных баранух на семь лет упекли! – испуганно крестится на образа Матрёна. – А чо она могла сделать? Баранухи-то безголовые. Каво с их возьмёшь. Только зашли на заберег попить, да и провалились под лёд. Посадили на семь лет! Никто и не подумал, что мужик у Фёклы на фронте, и рябятишек табун, и в самой в чём душа доржится.

– И не говори... Я пока везла ребяташек в детдом, чуть с ума не сошла. Плачут да домой просятся, всё одно, мол, сбежим.

Не сдюжил опять хозяин, встрял в бабский разговор:

– Ох, и ума у тебя, Анна! – качнул головой сокрушённо, а для наглядности из двух поленьев решётку соорудил, выглянув из-за неё на соседку сердито.

– Хорошо, вы вон Анютку-то Лизину к себе пристроили. Как у Христа за пазухой девчонка. И вам веселей. А ты слухайся их, доча. Они хорошие, старики-то! – приобняв девчонку наспех, поспешила бабка Анна за дверь.

А Елисей, покуривая возле приоткрытой дверцы печи самосад, помалкивал. Никому не скажет, что в колоде нескольких карт не хватает, из тех, что худое сулят. Побойчей пошла домой соседка. Пришла-то, бедная, едва живая. И сам он повеселей стал ковыряться шилом в валенке.

А тут опять на крылечке шаги, и в дом Верка влетает, соседка. Раскраснелась, полушалок вот-вот развяжется и упадёт.

– Тётка Матрёна! Дядя Лисей! Там Пашка ваша в улице. На полуторке привезли! Вот! – Верка рухнула на табурет у стола, выпалив новость, и с улыбкой на круглых щеках смотрела на хозяев.

– Какая Пашка? Наша? – застыл у печи Елисей, схватил отброшенный было валенок в руки, а потом и сам, и Матрёна суетно бросились к окну,

выглядывая в улицу. В сереньком мороке законного утра никого и видно не было. Тем неожиданней скрипнула входная дверь, впус­тив в домишко клуб морозного пара. Он долго не мог угомониться, располагаясь поудобнее, пока совсем не опал, явив хозяевам раскрасневшуюся вошедшую.

– Дочаааа... – простонал Елисей Иваныч, признав в ранней гостье свою Пашеньку.

Упала к ба­тьке на плечи Паша и зарыдала. Вся силушка солдатская враз куда-то ушла, и стала она обычной ба­тькиной дочкой. К тому же беременной. Матрёна туда же – со слезами и обниманиями. Только и успева­ет фартуком слёзы вытирать – то себе, то Пашке своей. А она держала их обоих, пахнувших домом, огнём печи, махрой и ещё чем-то родным и таким теперь близким, неверяще тро­гала материнские плечи, платок, отцовскую безрукавку и обливалась слезами.

– Погоди, не тискай шипко-то, отец, – сообразила вдруг Матрёна. Отодвинувшись в сторону двери, по­глядела на фоне окна на поплывшую фигуру дочери.

– Когда рожать-то, доча? – тихо спросила.

– К началу декабря, мам...

– Слава тебе, Господи, хоть дома да в тепле, – кивнула головой мать, снова протянув руки и обнимая дочку.

– Вонааа как, – протянул опе­шивший Елисей Иваныч. – Ладно, мать! Ка­кая разница, когда рожать. Как приспичит, так и родит! Солдатского сына

али дочку! Сымай шинель-то, дочка! Живая, само главно! Живая, живааая... – пристукнул кулаком по косяку двери, чтоб унять боль по тем, двум, что теперь безмолвно смотрят со стен, а потом бросился помогать Матрёне расстёгивать крючки на шинели. – Ташши с припечки валенки горячие. Ознобилась, поди.

Поставив у двери рюкзак, стянув с заметно отечных ног валенки и сняв шинель, Паша осталась в гимнастерке, которая коробом топорщилась над большим животом. Торопится Матрёна с тёплыми валенками, припадает на коленки Елисей, чтоб помочь переобуться, а Пашка стесняется такой непривычной родительской ласки.

– Я сама..., сама... Тять, поседел весь. А платочек-то, мама, тот же самый. А это что у вас за Снегурочка? – глядя на высматривающую с печки Анютку, спросила родителей, ощущая промёрзшими ногами баюкающее домашнее тепло.

– Наша теперь. Батька её на войне без вести пропал, а мамка-то на себя руки наложила, – понизив голос, проговорил Елисей. – Мы с бабкой её и забрали. Батька её на покосе много нам помогал до войны. Лапиковых помнишь, доча? Так вот, ихняя. Живёт да живёт у нас, она добрая, ласковая.

Обняв обеих девчат, прижимает к себе: – Вот тебе, Анютка, и Паша наша!

А Матрёна всё никак свыкнуться не может с новой Пашкой: – Бледная какая, осунулась. Кос нет. Красоту такую извела!

Смеётся Пашка: – Отрастут, мама, отрастут косы. Была бы голова целая.

– «Косы, косы!» Чо они – косы? Одна насекомая от их на фронте...

– Что война сделала с тобой, доча? – не может наглядеться Матрёна на кровинушку. На курносом носике – веснушки, лицо бледное, осунувшееся. Короткие волосы, неровно остриженные повыше плеч, перехвачены на макушке гребёнкой.

Прижалась спиной к печке-спасительнице и глаза зажмурила, чтоб сон её счастливый никуда не убежал. На гимнастерке тускло серебрится «Отвага». Разглядев, какая медаль у дочери, Елисей беспомощно моргал ресницами, крепясь, чтобы не расплакаться.

– Экааа! – подтянул живот, горделиво распрямил плечи и, взяв Пашу за руку, подвёл к Матрёне:

– Слышь, мать, «Отвагу» не каждый мужик получает, – за бравадой прячет жалкую слезу, стараясь не показать её дочке-солдату, жалея её безмерно и стараясь унять комок в горле.

– Пойдём, пойдём, Матвеюшке покажем да Федьке, – прихватив Пашку под локоть, засеменила Матрёна к портретам на стене, показывая её безмолвным братьям.

– Тять, она не знает? – одними губами спросила, оглядываясь на отца.

Елисей только безнадежно махнул рукой, а вслух нарочито сурово рявкнул:

– Мать, ты бы на стол налаживала! Чего ж деву-
ку-то голодом в родном доме морить. Да ещё и
не одну. Давай, давай...

Матрёна суетливо выставила на стол чугунок с
картошкой, поджаренный в латке ливер, самовар,
распыхтевшийся с утра возле загнетки.

– Хлеб токо худой, доча. Не пойми с чего ла-
дим. У нас же хлебушко-то весь почти на фронт за-
бирают. Рассказать с чего печём, дак заплачешь, –
Елисей разглаживает ладошкой штанину на колен-
ке, поглядывая на свою старуху. – А про ребят-то
знает, знает, конечно, – не сдержавшись, с кроше-
вом, кажется, скрипнул зубами. – Вот только чуд-
ная сделалась. Похоронки через неделю друг от
други пришли. Сначала на Матвейку. Через неделю
на Федьку. Ревела, а потом упала без слов. Потом
замолчала, почитай на два месяца. А потом как заго-
вариваться стала. С Богом разговаривает, да с ними,
как с живыми. Пробовал было её растормошить,
злится, будто не то ей говорю, – тихонько шепчет
отец Пашке в ухо, пока Матрёна суетится, добывая в
сенях квашеной капусты.

Паша давно известным путём шагнула к руко-
мойнику помыть руки. Наверное, с завязанными
глазами бы сделала эти три шага от стола в запе-
чье. И от каждого гвоздочка в стене, где висел
рушник, даже от лохани под рукомойником исхо-
дило такое ощущение дома, что поминутно дави-
ла в себе Паша непрошенные слёзы. Не верилось,
что увидит свой тихий закуток.

ЗАБАЙКАЛЬСКАЯ
КРАЕВАЯ БИБЛИОТЕКА
им. А.С. Пушкина

ФОНД КРАЕВЕДЕНИЯ

С. 778005

За столом родители подталкивали Паше кусочки повкусней. Вспомнив о привезённых подарках, Паша бросилась опять к рюкзаку и достала две фабричные упаковки махорки отцу. Матери подала бережно завернутый в тряпицу чёрный хлеб. Нюхнув хлебушек, прижала Матрёна его к груди и закрыла глаза, чтобы ещё раз убедиться, что пахнет настоящим ржаным. А Паша, ещё раз нырнув в нутро вещмешка, достала чёрный кусочек мыла. Матрёна нюхала и мыло, потом приладила кусочек на полку, объяснив на ходу: – Мы уж забыли, как оно пахнет. Щёлок да гужир выручают. Вот уж угодила, так угодила!

Анютка, как щеночек маленький, затаённо следила за раздачей подарков. Увидев её ждущие глаза, из самого потаённого уголка вещмешка Паша достала желтоватые куски сахара, выделенные ей в госпитале на дорогу:

– Держи солдатский сахарок, Нюта!

Положив рядышком тряпичную куклу, взяла Анютка сахар в ладошки, не веря ещё в богатство. Даже чай пить за стол не пошла, уселась на сундуке, бережно мусоля во рту кусочек. Глаза, как звёздочки, мерцают из уголка.

Подсев к столу, Паша взяла первую картошку, исходящую горячим паром, из чугунка. Подцепила льдистую капусту и долго держала её во рту, вспоминая забытый аромат и вкус. Нарочито обстоятельно разжёвывая каждый кусочек, тянул и тянул время отец, не решаясь подступить к главному. Матрё-

на тоже ерзала на лавке, поглядывая то на Пашкин живот, то на лицо, с ещё более выделяющимся на лице носом, коричневыми пятнышками вокруг губ и подтянутыми скулами.

– А мы вот с матерью всё думаем, кто отец-то у ребёночка будет? – приступил первым Елисей.

– Ко времени ли лялька-то, доча? – не сдержавшись, всхлипнула Матрёна, положив на стол недоеденную картошку, затирала глаза серым запоном.

– Лялька всегда ко времени, мам. Воюет он, отец наш. Раненый был, думала, не дотащу до окопа. Двое первых-то в тот бой маленькие были, а этот – здоровый, а глаза-то, как небушко. Лежит на спине, белый весь, руками шинелку на живот тянет. А на живот глядеть страшно! Совсем уж почти доволокла – артобстрел, батюшки светы! Собой закрыла, чтобы не порешили вовсе. Спину мне да ногу правую повредило в том бою. Фуфайка да кирзачи в лохмотья, а у самой – лёгкие ранения.

Елисеевы брови встревожено метнулись вверх.

– Лёгкие-лёгкие, – успокаивающе дотронулась она до корявой бабкиной руки. – Дотянула его. Хорошо, листвы палой в березняке много, там полегше было волочить. Как дотащила, и не помню толком. В госпитале потом лежали почти рядом. Его два месяца выхаживали, а меня оставили при госпитале, когда раны затянулись, – она обхватила маленькими ладошками широкую кружку с чаем, привычно отогревая руки. А Елисей глядел на эти

**Это была демOVERсия книги - Чубенко, Елена Ивановна.
Солнцем поцелованные: [рассказы, пьеса]**

С полной версией книги, Вы можете ознакомиться в нашей библиотеке по адресу: Забайкальский край, г. Чита, ул. Ангарская, д. 34